

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-67-79

УДК 821.161.1

М.Ю. Елепова¹, Т.В. Варфаламеева²¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
163000 г. Архангельск, Российская Федерация² Независимый исследователь,
163000 г. Архангельск, Российская Федерация

Жанровая репрезентация позиций повествователя в романе И.Л. Щеглова-Леонтьева «Гордиев узел»

Аннотация. Цель исследования: дать краткий очерк жизни и творчества талантливого, но незаслуженно забытого писателя из окружения А.П. Чехова Ивана Леонтьевича Леонтьева, известного под псевдонимом Щеглов, и проанализировать его дебютный роман «Гордиев узел», ранее не изученный в отечественном литературоведении. Методы исследования: комплексный анализ романа произведен с использованием культурно-исторического, структурно-аналитического и психологического методов. Рассмотрена история создания романа, критические заметки и читательские отзывы современников писателя о его произведении. Исследованы способы репрезентации позиций главного героя в контексте особенностей сложной жанровой природы романа, включающего в себя элементы жанра дневника, черты нравоописательного сатирического очерка, физиологического очерка в духе натуральной школы, русского психологического романа второй половины XIX в., водевильно-фарсовые вкрапления. Рассмотрены реалистическая природа произведения, использование приема психологического анализа и самоанализа в дневнике главного героя. Введены в научный оборот запрещенный цензурой рукописный текст пьесы Щеглова-Леонтьева по мотивам романа «Гордиев узел» «Сватовство Горича», рукописные тексты Щеглова-Леонтьева из фондов Рукописного отдела Института русской литературы РАН. Отмечено, что дневник Горича включает в себя иронические характеристики и сатирические выпады в адрес разных социальных групп персонажей – как представителей низов общества, так и аристократии, офицерства. При этом нарастающий трагический пафос записей героя резко контрастирует с комическим началом романа-дневника. Определены специфические черты персоналогии романа, в том числе через осмысление лексико-семантических полей героев произведения, особенностей литературной ономастики. Выявлены черты поэтики прозы Ф.М. Достоевского в произведении Щеглова-Леонтьева: вихревое движение событий, социально-психологический конфликт героя со средой, художественное исследование его самосознания, определяющая роль внутреннего монолога в создании образа персонажа.

© Елепова М.Ю., Варфаламеева Т.В., 2024

Ключевые слова: И.Л. Щеглов-Леонтьев, роман «Гордиев узел», репрезентация позиции повествователя, особенности персонологии, роман-дневник, водевильно-фарсовое начало, литературная ономастика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Елепова М.Ю., Варфаламеева Т.В. Жанровая репрезентация позиций повествователя в романе И.Л. Щеглова-Леонтьева «Гордиев узел» // Литература в школе. 2024. № 3. С. 67–79. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-67-79

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-67-79

M.Yu. Elepova¹, T.V. Varfalameeva²

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

² Independent researcher,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

Genre representation of the narrator's position in I.L. Shcheglov-Leontiev's novel "The Gordian knot"

Abstract. The purpose of the study is to giving a brief outline of the life and work of a talented but undeservedly forgotten writer from the circle of A.P. Chekhov, Ivan Leontyevich Leontyev, known under the pseudonym of Shcheglov, and to analyze his debut novel "The Gordian Knot" which has not previously been studied in the Russian literary criticism. The research methods are as following: a comprehensive analysis of the novel was carried out using cultural-historical, structural-analytical and psychological methods. The history of the creation of the novel, critical notes and reader reviews on his work by the writer's contemporaries are considered. The methods of representing the positions of the main character are explored in the context of the complex genre nature of the novel which includes elements of the diary genre, features of a morally descriptive satirical essay, a physiological essay in the spirit of the natural school, a Russian psychological novel of the second half of the 19th century, and vaudeville-farce inclusions. The realistic nature of the work, the use of psychological analysis and introspection in the diary of the main character are considered. Based on the novel "Gordian Knot", the handwritten text of Shcheglov-Leontyev's play "The Matchmaking of Gorich", prohibited by censorship, and Shcheglov-Leontyev's handwritten texts from the funds of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS were introduced into scientific circulation. It is noted that Gorich's diary includes ironic characteristics

and satirical attacks on different social groups of characters – both representatives of the lower classes and the aristocracy, officers. At the same time, the growing tragic pathos of the hero's notes sharply contrasts with the comic beginning of the diary novel. The specific features of the novel's personology are identified, including through the comprehension of the lexical-semantic fields of the characters and of the features of literary onomastics. The features of the poetics of F.M. Dostoevsky's prose in the work of Shcheglov-Leontyev are revealed: the vortex movement of events, the socio-psychological conflict of the hero with the environment, the artistic study of his self-awareness, the determining role of the internal monologue in creating the character's image.

Key words: I.L. Shcheglov-Leontyev, "The Gordian Knot" novel, representation of the narrator's position, features of personology, the diary novel, the vaudeville-farce beginning, literary onomastics

CITATION: Elepova M.Yu., Varfalameeva T.V. Genre representation of the narrator's position in I.L. Shcheglov-Leontyev's novel "The Gordian knot". *Literature at School*. 2024. No. 3. Pp. 67–79. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-67-79

Иван Леонтьевич Леонтьев (псевдоним Щеглов) (1856–1911) – прозаик, драматург, мемуарист, литературный критик, современник и друг А.П. Чехова. Обширное разножанровое литературное наследие писателя не изучено и требует глубокого научного осмысления с учетом достижений современного отечественного литературоведения.

И.Л. Щеглов-Леонтьев получил военное образование и с 1874 г. начал карьеру офицера, став участником войн в Крыму и на Кавказе. В 1883 г. он уходит в отставку в чине капитана и начинает свою литературную деятельность, «чему содействовало единодушное одобрение, коим встречен был весною 1881 г. рассказ "Первое сражение"» [8, с. 182]. В 1880-е гг. Щеглов-Леонтьев публикует в крупных литературных журналах «Новое обозрение», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Новое время» военные очерки, основанные на личном опыте и продолжающие традиции Л.Н. Толстого и В.М. Гар-

шина. Критики отмечали талант начинающего писателя, точность изображения армейского быта, искренность и «задушевную улыбку» автора [1].

Вторая половина 1880-х – 1890-е гг. становятся периодом большого литературного успеха Щеглова-Леонтьева: в это время отдельными сборниками издаются рассказы и пьесы писателя, выходят в свет повести «Корделия» (1889), «Убыль души» (1892), романы «Гордиев узел» (1886) и «Миллион терзаний» (1889).

Роман «Гордиев узел», первое крупное произведение Щеглова-Леонтьева, публикуется в 1886 г. в журнале «Новь», отдельным изданием выходит в свет в Санкт-Петербургской типографии М.М. Стасюлевича в 1887 г.

Обе опубликованные версии романа (они идентичны) открывает дневниковая запись от 9 декабря 1879 г., сразу же погружающая нас в историю Григория Александровича Горича – артиллерийского капитана, слушателя военной академии, влюбившегося

в горничную Настасью Демакову. Любовные отношения Горича и Насти определяют сюжетную канву повествования и обуславливают трагическую развязку романа.

Целью настоящего исследования является осмысление особенностей репрезентации позиций главного героя, обусловленных синтетической жанровой природой романа «Гордиев узел», включающего в себя, помимо черт дневника, приемы нраво-описательного сатирического очерка, физиологического очерка в духе натуральной школы, традиции русского психологического романа второй половины XIX в., комедиографические элементы в водевильно-фарсовом духе.

В русской литературе XIX в. немало и художественных произведений, написанных в форме дневника или записок, а также включающих фрагменты дневниковых записей персонажей. Это «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Записки из подполья» и роман «Игрок» Ф.М. Достоевского, «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Дневник семинариста» И.С. Никитина, «Журнал Печорина» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», «Демикотоновая книга» Савелия Туберозова в романе «Соборяне» Н.С. Лескова и др.

Творчество Щеглова-Леонтьева в целом и один из лучших его романов «Гордиев узел» не исследованы в науке о литературе, в том числе и в жанровом отношении. По утверждению писателя, в основе романа его личные наблюдения над петербургскими жителями. 9 июня 1888 г. Чехов писал Щеглову-Леонтьеву: «Если Вы скажете, что и “Гордиев узел” есть продукт петербург-

ского созерцания, то я не поверю Вам» [5, т. 2, с. 282]. Щеглов-Леонтьев ответил: «В Вашей “морали” есть правда, но относительно “Гордиева узла” недоумеваю – от первой строки до последней пережит... в Петербурге» [Там же, с. 283]. Достоверность изображаемого чувствовали и читатели. Один из них (Муравлин) утверждал: «Я убежден, что “Гордиев узел” не выдуман, а списан с натуры, умно и талантливо списан»¹.

Роман получил в целом положительную оценку в современной писателю критике. В журнале «Вестник Европы» либеральный публицист и литературный критик К.К. Арсеньев в статье «Беллетристы последнего времени» (1887), говоря о художественном методе И.Л. Щеглова-Леонтьева, кратко анализирует роман «Гордиев узел». Критик делает вывод о недостатках, но и о немалых достоинствах романа Щеглова: «Невероятность завязки вредит дальнейшему действию... Последнее объяснение Горича и Насти, скитания первого по улицам, сон, который он видит у Лельки, пробуждение, утро на Средней Мещанской – все это изображено с большою силой. Если забыть на время основной недостаток романа, то в нем найдется и раньше немало талантливых страниц. Родственники Насти нарисованы с юмором, свойственным г. Щеглову; положения, в которые попадает влюбленный капитан, часто отличаются неподдельным комизмом» [1, с. 295–296].

Чехов высоко оценил роман: «Лучшее из Ваших детищ – это “Гордиев узел”. Это труд капитальный. Какая

¹ О молодых талантах // Гражданин. 1888. 6 мая. С. 8.

масса лиц, и какое изобилие положений! Номерная жизнь, Шураки, Голощапова с опухшим от пива рылом, дождь, Лелька, ее бардачок, сон Горича, особенно описание маскарада в клубе – все это великолепно сделано. В этом романе Вы не плотник, а токарь» [5, т. 2, с. 204–205]. В ответном письме от 29 февраля 1888 г. Щеглов-Леонтьев благодарит за «угадчивый» отзыв о своем романе, за «необычно дружеское внимание» к его «литературной физиономии»: «Вы меня ужасно подогреваете на новые работы» [Там же, с. 382]. В.А. Тихонов в письме к Чехову, размышляя о романе, подчеркивал: «Какая искренность! Какая простота! Свежесть какая! Пропать таланту! Некоторые сцены – просто бриллианты!» [5, т. 3, с. 220].

В современном литературоведении практически нет работ, посвященных анализу прозаических сочинений Щеглова. Есть только краткие очерки в литературных словарях, библиографических изданиях. Так, П.И. Овчарова в библиографической справке о Щеглове указывает, что роман «Гордиев узел» отражает характерную для литературы 1880-х гг. проблему «интеллигенция и народ» [4, с. 62–64].

Однако роман «Гордиев узел» не только занимает особое место в раннем творчестве Щеглова-Леонтьева, но и становится своеобразным эталоном «щегловского стиля», отличающегося точным и остроумным воспроизведением быта и нравов в духе классической реалистической традиции русской литературы.

Задачи исследования определили системный подход к тексту, сочетающий культурно-исторический, структурно-аналитический и психологический методы анализа.

Персоналогия романа

В своем романе Щеглов-Леонтьев описывает запутанное сплетение обстоятельств, связанных с любовными отношениями героев, которое нашло отражение и в заглавии романа. Развязать «гордиев узел» персонажи не могут: в финале капитан Горич, потерявший надежду на взаимность, кончает с собой. Его возлюбленную ожидает несчастная судьба.

Однако любовная линия романа тесно переплетается с социальными мотивами. В романе в духе традиций натуральной школы, для авторов которой был характерно воссоздание горизонтальных и вертикальных социальных срезов, описывается пестрое население меблированного дома. Ю.В. Манн отмечает: «Взгляд писателя перемещался по вертикали (снизу вверх), открывая еще неизвестную в литературе страну со своими обитателями, традициями, житейским опытом и т.д.» [3, с. 388]. Горич создает целую галерею «меблированных существ»: это глупая и жадная владелица дома – «меблированная фурия» Фелицата Демидовна Филкова, «Печорин»-Пейсов, внешне напоминающий лермонтовского Демона, а на деле – пьяница и пошляк и т.п. [7].

Есть и горизонтальный срез: характеристики жителей «меблирашки» дополняются описанием родственного окружения Насти Демаковой вне дома. Горич саркастически изображает «шестиглавую гидру» родных и близких Насти. Мать девушки Прасковья Демакова – тупая, жадная и развратная солдатка, готовая стать любовницей первого встречного. Муж недалекой сестры лакей Шурак – «грубое животное», ему подобен и скудоумный муж тетки швейцар Увар Матвеич.

Подруга Насти по приюту Липа Голощапова – злобное, мстительное и завистливое существо, сыгравшее немалую роль в разлучении Горича с его невестой.

В то же время предметом сатирического описания становятся и посетители аристократического салона тетушки Горича Татьяны Алексеевны Тюльпановой. В начале своего увлечения горничной герой рисует в воображении пошлый суд над ним за будущий неравный брак: «Какой возмутительный мезальянс», – завопит в истерике моя петербургская тетушка с Моховой, при первом слухе о роковом событии...» [7, с. 36]. В роман входит сцена журфикса у Тюльпановой, которая целиком подтверждает его опасения. Все визитеры обрисованы резкими негативными чертами. Тетушка предстает как эфирное существо с мерцающими глазами, однако при этом она расчетлива и скупа. Мужеподобная курсистка Nadine Ронжина и взбалмошная и кокетливая генеральша Евгения Безценная составляют комический дублет на основе контраста. Однако их объединяет внутренняя пустота и нравственная несостоятельность. Беспринципный циник студент Пепочка Кинареев, минуя юность с ее поэзией, прямо переходит к «благонамеренным заветам Чичикова» [Там же, с. 96] «Игриливый генерал» Павел Навазов также напоминает «обаятельно» Чичикова.

Подобно повествователю в гоголевской прозе, Горич классифицирует их как определенные типы, о каждом из этих персонажей он говорит «они»: Безценная принадлежала к «лику» «подруг жизни», для которых брак – торжество инстинкта

[Там же, с. 97–98], Филькензон отнесена к типу «конной дамы». Кинареев и Навазов – разновидности Чичикова.

Водевильно-фарсовое начало

Изображение журфикса все больше напоминает сцены из водевиля. Повествователь в своем дневнике рисует в ролях обсуждение журфиксными гостями потрясающей новости о том, что дворянка вышла замуж за простого крестьянина. Они обозначены под своего рода комическим амплуа, как на театральной афише: «Ma tante», «Старая дева по убеждению», «Жена, с позволения сказать», «Игриливый генерал». Часто в водевилях сюжетную канву определял какой-нибудь нелепый случай. Как отмечает Т.С. Шахматова, в 1860-е – 1870-е гг. «от водевиля отпочковываются бытовые зарисовки и сцены, поскольку представителей “натуральной школы” заинтересовал один из основных аспектов водевильной поэтики – случай из жизни, основанный на абсурде, анекдоте» [6, с. 10]. Такой анекдот в этом случае – неравный брак. Мезальянс – прекрасный повод поупражняться в обмене остроумиями:

«Жена, “с позволения сказать”. О, я думаю, что она до сих пор влюблена в Вормса!

Игриливый генерал (продолжая). “Где ты была?” – спрашивает мужичок. – В Михайловском театре, смотрела “Les idees de madame Aubray”. А ты что делал, mon sher? – “А я, ma sher, поколи дров нарубил!..” (Взрыв смеха)» [7, с. 107–108].

Далее следует фарсовая сцена, в которой тетушка, краснея, описывает, как она стала свидетельницей «убиения» купленного ею сига, испытывав при этом страшное потрясение:

«...он взял сига... и этак головой о лавку тра-рра!.. Потом он еще взял какое-то острое орудие и заколол его где-то около сердца... Бедный сиг не успел даже вскрикнуть... и скончался!.. (она смигнула слезу). Я потом весь вечер была расстроена!» [7, с. 119]. В этом эпизоде Тюльпанова выступает в амплу традиционного фарсового героя-простака, по своей удивительной наивности, граничащей с глупостью, попадающего в смешное положение. Мнимотрагическое обретает статус комического.

Сцены с участием родственников Насти и ее подруги Липы Голощаповой «блещут удивительным комизмом»²: эти персонажи изображены с юмором, а положения, в которые попадает влюбленный капитан, напоминают комедийные пьесы и водевили Щеглова-Леонтьева.

Трагический пафос дневника Горича

Водевильно-фарсовое начало резко контрастирует с трагическим пафосом записей Горича о его чувствах и перипетиях борьбы за брак с горничной. Роман Щеглова написан в эпоху Достоевского и Толстого, когда сформировались принципы психологизма в прозе великих классиков. Прием психологического анализа и самоанализа широко используется в романе Щеглова-Леонтьева. Аналитическое начало проявляется на уровне оценки и классификации Горичем персонажей из низов общества и света. Диалог с самим собой, размышление автора дневника о своих душевных переживаниях переключаются с «Журналом» лермонтовского

Печорина, но в отличие от Печорина главный герой «Гордиева узла» совершенно лишен холодного скептицизма и рационализма, он не ставит психологические эксперименты над чувствами других людей.

Само ведение дневника связано с потребностью выразить на бумаге захватившие героя чувства. Дневник героя – история зарождения, расцвета и пламенного горения любовного чувства, достигающего в трагические минуты исступления, почти безумия. Щеглов-Леонтьев демонстрирует в романе мастерство прозаика-психолога, вслед за Достоевским изображая сознательные движения души и подсознательные импульсы, обуславливающие поведение персонажа. Вихревое движение событий, столкновение героя со средой, определяющая роль внутреннего монолога в создании образа персонажа – эти черты поэтики прозы Достоевского наследует и Щеглов-Леонтьев. М.М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» отмечает: «Не только действительность самого героя, но и окружающий его внешний мир и быт вовлекаются в процесс самосознания...» [2, с. 46].

Щеглов искусно изображает душевный надрыв Горича, который приводит его к самоубийству. После ссоры с Настей Горич испытывает опустошение: «...на душе моей осталась одна безнадежная пустота, та холодящая, содрогающая пустота, от которой всего один неприметный шаг к той вечной пустоте, которую называют смертью...» [7, с. 211–212]. В этом состоянии Горич выбирает в качестве способа заглушения чувств «блаженство низкопадения». После посещения трактира он встречает свою знакомую, проститутку Лельку.

² О молодых талантах // Гражданин. 1888. 6 мая. С. 8.

В «грязном углу» ее комнаты Горич получает «участие матери к потеряному сыну»: «Нет, Гриша, я очень могу... я всякую муку понимаю...»; «Ты в тысячу раз больше стоишь, чем иные самые верные жены... потому что ты – искупление» [7, с. 225–228]. Однако утром восприятие Горича меняется: «...меня охватывает какой-то ужас омерзения от теплоты лежащего рядом тела, точно это теплота совсем свежего трупа» [Там же, с. 244]. В конце романа сам Горич и внешне и внутренне «похож на мертвеца» [Там же, с. 249–250].

Лексико-семантическое поле романа как способ самораскрытия главного героя

Большую роль в романе играет семантическое поле литературной ономастики. Горич – образованный офицер, начитанный в русской и европейской классике. В дневнике героя есть имена Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Достоевского, Шекспира и Гейне. При этом возникает тройной ономастический ряд. Это упоминания о классиках, цитаты из их произведений в дневнике Горича в высоком контексте и литературные имена и имена литературных персонажей в его записях в пародийно-ироническом плане, второй пласт литературных имен – «журфиксный», когда посетители салона тетушки Тюльпановой опошляют в своих пустых разговорах великие имена русских классиков, а также офицерский, когда Николка Бабков лишает литературного персонажа высокого ореола, и третий – плебейский, когда герои, относящиеся к низкой социальной среде, восхищаются действующими лицами примитивной массовой литературы.

Так, имя шекспировского Гамлета сначала предстает в пламенных думах и чаяниях героя: «Да, я люблю и могу повторить за Гамлетом: “Нет, это мне не кажется, а точно есть!”» [Там же, с. 12]. Однако это же имя получает пародийное звучание, когда герой характеризует своего соседа по номеру, «Гамлета без ангажемента». Взбешенный его громким пением, Горич восклицает: «Да замолчите ли вы, Гамлет Прачешного переулка!» [Там же, с. 182]. Гамлет спускается с литературного Олимпа сначала на уровень убогого театра («без ангажемента»), а затем еще ниже: в Прачешный переулок – жалкое убежище городской гольибы. Гамлетовский напряженный поиск истины заменяет ничтожная оболочка пошлого фанфаронства.

Знаменитые сюжеты классических произведений Горич проецирует на ситуации, связанные с личными отношениями. Так, герой оценивает роковую роль подружки Насти Липы Голощаповой в его любовных отношениях: «О, как я узнаю в этом новом оскорбительном тоне происки этой гадюки Голощаповой!.. В трагикомедии моей любви она взяла по отношению к Насте роль Яго и, действуя на ее “отелловское” простодушие, ставит меня в положение беззащитной Дездемоны...» [Там же, с. 178]. Реминисценция из трагедии Шекспира переводит историю любви Горича из трагикомедии в настоящую трагедию, которая едва маскируется иронией автора дневника. Финал романа созвучен завершению пьесы Шекспира «Отелло»: как и простодушный Отелло, возвышенный Горич кончает жизнь самоубийством.

В устах других персонажей имена великих классиков русской литературы, которым поклоняется Горич, низводятся до положения посредственных беллетристов, знаменитые литературные герои мировой классики профанируются.

В этом смысле значима сцена встречи Горича с приятелем по академии Николкой Бабковым. Самого героя распутный Бабков называет также нарицательным именем Дон Кихота: «...да, наконец, просто зло берет, когда порядочный человек разыгрывает Дон Кихота. <...> Еще гоголевский Поприщин утверждал, “что физики пишут глупости про женщину, что она то и то, тогда как она любит одного черта”» [7, с. 180–181]. В репликах Бабкова Дон Кихот олицетворяет пустую мечтательность человека, не знающего жизни, лишается света высокого идеала служения справедливости, а реплика безумного Поприщина из «Записок сумасшедшего» Гоголя наделяется статусом житейски мудрого афоризма. Всякие идеальные устремления заранее осмеяны циничным Бабковым.

В разговоре с холодным рационалистом Пепочкой Кинареевым Горич призывает его к сердечным чувствам. В ответ на горячий призыв собеседника Пепочка цитирует стихотворение Некрасова «Дни идут... все также воздух душен...»: «Насчет сердца я вам отвечу стихотворением: “Волю дав лирическим порывам, изойдешь словами в наши дни...”» [Там же, с. 123], вкладывая в цитату из произведения совершенно противоположный смысл. В стихотворении Некрасова лирический герой горюет именно о бездушии современного человека, его слезы – слезы отчаяния при виде невозможности изменить этот мир:

Но... молчи, во гневе справедливым!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...³

В устах же Пепочки скорбная некрасовская строка будто бы подтверждает избранный им путь карьеры и наживы.

Представители света крайне невежественны. По мнению тетушки Горича, нигилизм изобретен Тургеневым. Самодовольная генеральша Безценная внушает завсегдашьям салона свое безапелляционное мнение об отсутствии русской литературы вообще: «О чем речь? О русской литературе? – она делает брезгливую гримаску. – Не понимаю, о чем тут спорить, когда ее у нас нет!» [Там же, с. 99].

Лизавета Филькензон читала романы Жорж Санд. Однако эти романы она воспринимает как далекое от жизни сочинительство: «...она вовремя убедилась, что все мужчины пошляки, и любовь существует только в романах Жорж-Занда, и решила остаться старой девой... из убеждения» [Там же, с. 102]. Для Филькензон, как и для Пепочки, как и для Николки Бабкова, литература ничего не имеет общего с реальной жизнью, в которой, по их мнению, нет ни жертвенной любви, ни высоких устремлений, ни самоотречения, ни подвига.

В то время как для Горича, когда к нему пришла большая настоящая любовь, творчество Жорж Санд открылось с иной стороны: «...мне однажды попался на глаза какой-то роман Жорж-Занда в ветхозаветном переводе, где между прочим одна глава заканчивалась такой фразой: “Я люблю ее... Что может быть на свете

³ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 3. М., 1982. С. 196.

выше и слаще сих трех слов!..”. Как я тогда смеялся над этой, как мне тогда показалось, ужасно потешной фразой, а теперь... с каким приятно-острым колотьем в сердце чувствую, что выше и слаще сих трех слов не может быть ничего...» [7, с. 16]. Из всех героев только Горич в творчестве европейских и русских классиков находит высшие смыслы.

На другом полюсе общества – среди лакеев, швейцаров, камердинеров, среди обслуги и прислуги – читают только женщины и то лишь низкопробное чтиво. На встрече с родственниками Насти жена швейцара Ненила Антоновна Спичакова сравнивает Горича с персонажем бульварного романа – маркизом Шантре:

«– ...Он был до того благороден, что когда убедился, что его любовница Урсула сдалась на увещания банкира Муара, пошел на Парижскую набережную и застрелился. Ах, я кажется, до сих пор влюблена в несчастного маркиза!..» [Там же, с. 155–156]. Нелепые и бездарные бульварные романы научили сентиментальную Спичакову презирать своего мужа: «Что мне муж? Пхе!.. – Спичакова сделала жест презрения, – Вулеву комса – плюнула да и ушла!..

– Ишь! – прошипел, мрачно косясь, Спичаков и добавил, поднимая нерешительную руку, – А как я тебе по затылку смажу?» [Там же, с. 169].

Высокий пафос восторгов Спичаковой в сочетании с комментарием ее мужа создает комический эффект, и весь разговор напоминает фарсовую сцену, что вполне соответствует уровню бульварных романов. Значимо, что надуманными страстями таких сочинений живет и Липа Голощапова. Воспитанная на маркизах

Шантре и ему подобных, она не способна понять и оценить настоящее чувство Горича к Насте и делает все, чтобы разлучить их.

Апофеозом отчаяния и символом безысходности становится в сознании Горича соединение несоединимого: имен знаменитого французского писателя, философа-просветителя Дени Дидро и убогой проститутки Лельки. В пьяном бреде в нищенском убежище Лельки он бормочет: «О, как это могло случиться... как могло... что любовь, самая невинная, самая чудная из человеческих радостей обратилась вдруг в источник всякой гнусности <...> ...это он изрек... как его... черт, не помню... кажется Дидро... Ха-ха-ха... Дидро и Лелька!.. Совпадение довольно курьезное!..» [Там же, с. 227]. Абсурдное соединение имен прославленного писателя и падшей женщины становится знамением утраты Горичем воли к жизни, смысла существования и неизбежности самоубийства. Все в мире воспринимается героем, потрясенным финалом своей любовной истории, как «фанаберия», соответственно, в мире абсурда («курьеза») к фанаберии теперь относится и его истинное чувство.

Литературная призма открывает душевную глубину и нравственную чистоту Горича и в то же время демонстрирует духовное убожество и пошлость его окружения: как низкого, так и великосветского. Литературная ономастика становится в романе Щеглова-Леонтьева одним из способов создания характера героев и одним их приемов репрезентации этических и эстетических убеждений Горича. Кроме того, сочетание имен (литературного и низменно-бытового) является маркером движения сюжета к трагическому финалу.

Еще одно семантическое поле помогает выявить духовную высоту Горича – поле лексики. Речь главного героя отличается лексическим богатством, сложным синтаксисом, помимо цитат из произведений писателей-классиков, он записывает афоризмы из трудов философов. В частности, герой приводит высказывание Гейне. В ироническом контексте Горич упоминает имя Шопенгауэра.

Речь героя наполнена сравнениями, метафорами, меткими определениями, выразительна и художественна, он мастер литературного психологического портрета. Более того, как автор дневника фактически он писатель, отчасти и драматург (в романе две сцены написаны в комедиографическом плане). В этом Горич соотносим с лермонтовским Печориным, который также по существу дела писатель, автор «журнала» и создатель психологического портрета Грушницкого. Даже имя и отчество у Печорина и Горича одно: Григорий Александрович. Горич наделен такими свойствами писателя, как наблюдательность, умение подмечать яркие черточки характера, поведения людей, точно воспроизводить их речь. Герой свободно владеет разными стилями речи: книжным, возвышенно-романтическим, салонным, разговорным, просторечным, он употребляет их в зависимости от того, к какому социальному слою принадлежит человек, о какой ситуации идет речь.

Все остальные герои одномерны в лексико-семантическом плане. Они владеют одним-единственным стилем речи. Так, тетюшка Тюльпанова говорит в жеманном стиле, русские слова мешает с французскими. Циник Николка Бабков иронически употребляет разговорную лексику: подозре-

вает, что его товарищ по академии «влопался», у него «морда облезла» [7, с. 180]. Настя Демакова, ее родственники и окружение употребляют многочисленные просторечия, вулгаризмы, иногда бранные слова, искажают грамматические формы слов и их звучание. Лакей Щурак бахвалится: «Кончено, у Насти есть мать, особа довольно собачливая, ну да ведь и я тоже гвоздач не последней руки!» [Там же, с. 63]. Мать Насти отчитывает «ахвицера» Горича: «Нуте, а я даже очень насчет ефтово сомневаюсь» [Там же, с. 141]. Речь кучера Васьки Жгуна наполнена нелепыми выражениями: «ножки бульонные», «проварварился» [Там же, с. 167], «финтует» [Там же, с. 168].

В устах Насти всякого рода разговорные, просторечные формы сначала звучат мило, они как бы составляют часть ее обаяния в глазах жениха. Горич видит в этом лепете прелестную детскость невесты. Однако в самый патетический момент последнего объяснения Насти с влюбленным в нее женихом, ее просторечное выражение глубоко оскорбляет Горича, перечеркивает его великую любовь:

«– ... Да что же я тебе скажу?.. Все то же... что я тебя люблю по-прежнему, несмотря на все препятствия... о нет, больше прежнего...еще безумнее... еще напряженнее...

– Мы об этих финтифантах давно наслышаны! – возразила она...» [Там же, с. 205].

Уже одно это слово делается квинтэссенцией трагического начала: непонимания, озлобления Насти по отношению к Горичу под влиянием Липы и ее окружения. Герой осознает невозможность обретения личного счастья.

Лексическая полифония романа, контрастное взаимодействие стиля автора записок и окружающих его личностей позволяют оценить героя как просвещенного и нравственно высокого человека, который неизмеримо выше как людей, относящихся к одному с героем социальному слою, так и имеющих низкий социальный статус. Горича отличают богатейший словарный запас, умение точно выражать мысли и чувства, создать психологический портрет. А главное, на страницах дневника Горича в полной мере обретают словесное выражение его философские раздумья, эстетические вкусы, твердые этические принципы, способность к глубокому и светлому любовному чувству. Лексико-семантическое поле романа также является способом многогранной самохарактеристики героя.

Роман «Гордиев узел» – сложное многоплановое произведение, отражающее в себе как основные особен-

ности индивидуального творчества И.Л. Щеглова-Леонтьева, так и традиции русской литературы XIX в. – творчества Лермонтова, Гоголя, Достоевского, очеркистов «натуральной школы», русской комедиографии. Психологическая достоверность изображаемого, обусловленная большим жизненным опытом самого автора и его художественным мастерством, умение точно воссоздать внутренний мир героя в движении сюжета, широкая картина нравов представителей разных социальных слоев русского общества, блестящие речевые характеристики персонажей, сочетание прозаических повествовательных стратегий с фарсово-водевильными приемами, высокий нравственно-философский пафос сочинения – все это позволяет говорить о романе Щеглова-Леонтьева как об одном из значительных произведений русских писателей второго ряда последней трети XIX столетия.

Библиографический список

1. *Арсеньев К.К.* Беллетристы последнего времени // Чехов А.П. В сумерках: очерки и рассказы. М., 1986. С. 294–311.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М., 2000.
3. *Манн Ю.В.* Натуральная школа: Русская литература первой половины XIX в. // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. М., 1989. С. 384–396.
4. *Овчарова П.И.* И.Л. Щеглов: библиографическая справка // Русские писатели. Библиографический словарь: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 62–63.
5. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1975.
6. *Шахматова Т.С.* Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
7. *Щеглов-Леонтьев И.Л.* Гордиев узел. СПб., 1887.
8. *Щеглов-Леонтьев И.Л.* Наивные вопросы. СПб., 1903.

References

1. *Arseniyev K.K.* Recent fiction writers. *Chehov A.P. V sumerkah: ocherki i rasskazy.* Moscow, 1986. Pp. 294–311. (In Rus.)
2. *Bakhtin M.M.* *Sobranie sochineniy: v 7 t. [Collected works. In 7 vols.].* Vol. 2. Moscow, 2000.
3. *Mann Ju.V.* Natural school: Russian literature of the first half of the 19th century. *Istorija vsemirnoj literatury: In 8 vols. Vol. 6.* Moscow, 1989. Pp. 384–396. (In Rus.)

4. Ovcharova P.I. I.L. Shcheglov: biobibliographic information. *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar*: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1990. Pp. 62–63. (In Rus.)
5. Chekhov A.P. *Polnoye sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pisma: v 12 t.* [Complete works and letters: v 30 t. Pisma: in 12 vols.]. Moscow, 1975.
6. Shakhmatova T.S. *Traditsii vodevilya i melodramy v russkoy dramaturgii XX – nachala XXI vv.* [Traditions of vaudeville and melodrama in Russian drama of the XX – early XXI centuries]. PhD Diss. Kazan, 2009.
7. Shcheglov-Leontyev I.L. *Gordiev uzel* [Gordiev knot]. St. Petersburg, 1887.
8. Shcheglov-Leontyev I.L. *Naivnye voprosy* [Naive questions]. St. Petersburg, 1903.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024, принята к публикации 10.04.2024
The article was received on 31.01.2024, accepted for publication 10.04.2024

Сведения об авторах / About the authors

Елепова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Marina Yu. Elepova – ScD in Philology, Full Professor; Head of the Department of Literature, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

E-mail: m.elepova@yandex.ru

Варфаламеева Татьяна Владимировна – независимый исследователь, г. Архангельск

Tatyana V. Varfalameeva – independent researcher, Arkhangelsk

E-mail: wtw1706@mail.ru